

Черные муравьи (IV). Королевство...

В ту ночь младенец не плакал — редкое затишье позволило всем наконец выспаться. Но едва небо на востоке подернулось бледной синевой, тишину разорвал истошный вопль.

Крик не утихал, он бился о стены короткими, захлебывающимися всплесками. Ши Цзю, мгновенно сбросив остатки сна, вскочил и выбежал в зал. Увиденное заставило его замереть на месте.

В центре стоял Старший брат Цян — самопровозглашенный вожак подростков. В руках он сжимал того самого младенца, который всю ночь вел себя так тихо. Но это уже не был ребенок. Голова мальчика была превращена в кровавое месиво; такие же багровые пятна расплылись по ближайшей стене. Несмотря на жуткую находку и нарастающие крики Юнь Чжуна, «король детей» продолжал безучастно держать тельце, словно тряпичную куклу.

Юнь Чжун, казалось, окончательно лишился рассудка.

— Я убью тебя! — взревел он и бросился на подростка.

Мужчина повалил парня на пол. Младенец выпал из рук Цяна и, пролетев несколько метров, замер безжизненным свертком.

Двое сцепились друг в друга в яростной схватке.

Выбежавший следом Хэ Вэй побледнел как полотно. Он застыл рядом с Ши Цзю, его губы мелко подрагивали:

— Это... как же это...

Ши Цзю, нахмурившись, бросился к дерущимся, пытаясь разнять их. Но Юнь Чжун уже ничего не видел и не слышал. Слепленный горем, он раз за разом обрушивал кулаки на противника, вкладывая в каждый удар всю свою ненависть, стремясь не просто ударить, а уничтожить.

Сил у подростков было меньше, и поначалу Цян еще пытался огрызаться, но вскоре начал лишь глухо стонать под градом ударов.

— На помощь! — прохрипел он в промежутке между ударами. — Помогите мне!

Некоторые ребята замялись, не решаясь вмешаться, но стоило одному из приближенных Цяна

кинуться в драку, как за ним последовала вся остальная свора.

— Назад! — рявкнул Ши Цзю, преграждая им путь, но его никто не слушал.

Начался хаос. Стоило оттащить одного, как двое других впивались в мужчину. В свалке сплелись почти десять человек — клубок из тел, яростных воплей и глухих ударов. Было уже не разобрать, кто кого бьет. Это походило на коллективную вспышку «болезни мнимой подозрительности», а может, просто на выход тех демонов, что копились в детских душах все эти дни.

Большинство запертых в тюрьме лишь молча наблюдали за бойней, затаив дыхание. Никто не смел заступиться, никто не решался подойти ближе. Ши Цзю буквально вытолкнули из круга.

— Остановитесь! Прекратите! — кричал он, но его голос тонул в общем гуле.

Подростки, измученные десятью днями бессонницы и вечного страха, выплескивали всю свою желчь.

— А-а-а-а!! — истошный вопль перекрыл все остальные звуки.

Вокруг центральной группы плотным кольцом стояли дети, не видя, что происходит внутри, но не прекращая наносить удары. Ши Цзю пытался выдергивать их по одному, надеясь добраться до середины.

Внезапно кто-то вскрикнул:

— Смерть! Он мертв! Он убит!

Слово «смерть» подействовало как ледяной душ. Пелена, застилавшая глаза подростков, начала спадать. Они один за другим замирали, словно пробуждаясь от кошмара.

Ши Цзю воспользовался моментом, растолкал их и прорвался к Старшему брату Цяну. Увидев то, что осталось в центре круга, он оторопел.

Юнь Чжун неподвижно лежал на полу. Он был весь залит кровью, его висок глубоко ввалился — похоже, в одно и то же место нанесли десятки сокрушительных ударов. Когда Ши Цзю оттащил в сторону Цяна, на бетон с тонким металлическим звоном упал какой-то предмет.

Юноша обернулся и почувствовал, как перехватило дыхание.

Это был нож для фруктов. Неизвестно чей, но лезвие было сплошь покрыто багровой коркой с

налипшими фрагментами плоти. Оружие еще несколько секунд покачивалось на полу, прежде чем окончательно замереть. Окровавленная рукоять выглядела зловеще.

При виде ножа толпа окончательно притихла. Наступила мертвая тишина, будто ничего и не произошло. Подростки, бледные и растерянные, устали на окровавленную сталь. Некоторые трусливо озирались, переводя взгляд с одного соседа на другого.

Те, кто не участвовал в драке, застыли в отдалении, глядя на это кровавое зрелище: красный нож и человек, забитый до смерти — то ли кулаками, то ли этим самым клинком.

В тюрьме воцарилось безмолвие, какого здесь не было никогда. Даже Лин Чаоцзянь, вышедший из камеры, полный злобы, замер на пороге.

Никто не решался заговорить. Наконец Ши Цзю нарушил тишину ледяным вопросом:

— Чей нож?

Ответа не последовало. Ши Цзю повторил, уже громче:

— Я спрашиваю: чей это нож?!

Его голос гулким эхом отразился от высоких сводов.

Спустя мгновение Старший брат Цян вытер кровь с лица, стиснул зубы и шагнул вперед:

— Мой! И что с того? — он выпятил грудь, отчаянно пытаясь скрыть дрожь.

Ши Цзю сверлил его взглядом — долгим, пронзительным, от которого по коже пробежал мороз. Но «король» выстоял, сжал кулаки, чтобы не выдать страха, и выкрикнул еще раз:

— Мой, ясно тебе?!

— Это не твой нож, — отрезал Ши Цзю, глядя прямо в бегающие глаза подростка.

Тот, однако, решил стоять на своем до конца:

— Мой! Это я его убил! Я! — парень словно обезумел. Он бросился вперед, схватил нож и выставил его перед собой, направив острие на Ши Цзю.

Внезапно на его лице расплылась дерзкая, торжествующая улыбка. Оружие в руках вернуло

ему уверенность.

— Я... я... я убийца! Я убил человека!

— Еще одно слово — и ты следующий!

Ши Цзю смотрел на него без тени эмоций. Подросток, подстегиваемый собственной дерзостью, не отводил взгляда.

Юноша слегка склонил голову, его губы тронула едва заметная усмешка. В следующее мгновение он резким, молниеносным движением выбил нож из руки парня.

— А-а-а! — взвыл Цян от боли, схватившись за запястье. Нож со звоном отлетел в сторону.

Ши Цзю, не проронив ни слова, поднял клинок с пола и вернулся в свою камеру.

Ненавидящий взгляд подростка преследовал его до самой двери, но тот молчал — в его скудном лексиконе не нашлось слов, способных выразить ту черную злобу, что клочкотала внутри.

Нож Ши Цзю спрятал. Когда он снова вышел в зал, он кожей почувствовал враждебность — стайка детей провожала его злобными взглядами. Не обращая на них внимания, юноша нашел Хэ Вэя, чтобы решить, что делать с телом Юнь Чжуна. В конце концов, при помощи еще нескольких человек они похоронили мужчину и младенца на пустыре за зданием тюрьмы.

Глядя на свежую землю, Ши Цзю ощущал лишь горькую печаль. Человек, который еще вчера вдохновенно рассуждал о будущем, о надеждах цивилизации, теперь лежал в сырой земле. И убили его те, кого он так защищал — дети.

Ши Цзю не мог этого постичь. Ему казалось, что без эволюции «Истока» эта цивилизация была бы еще ужаснее — такой же, как эти предоставленные самим себе подростки. Лишь по достижении возраста их мышление принудительно трансформируется, становясь таким, каким его хотела видеть Цзи Юйсюэ.

Взрослые граждане действительно были прекрасными людьми, но едва ли только эволюция делала их добрыми.

Если бы духовное наследие этой цивилизации передавалось из века в век, не нужно было бы проходить через эволюцию, чтобы обрести покой. Даже дети были бы духовно зрелыми.

Мир совершенных взрослых так и не смог взрастить ничего путного в этих детских душах.

Раздраженный, Ши Цзю вернулся в камеру, где услышал ворчание Лин Чаоцзяня с соседней койки:

— Не в свое дело лезешь. Делать тебе нечего.

Прошло всего десять дней. Впереди было еще двадцать... Ши Цзю закрыл глаза.

Чэнь Ай, должно быть, уже заметил моё исчезновение. Что он предпримет? Бросится искать или будет ждать?

Одиннадцатый день прошел на удивление спокойно. Возможно, потрясение вчерашнего дня было слишком сильным — почти никто не выходил в зал, группы не собирались.

Но на двенадцатый день Ши Цзю разбудили громкие голоса. Он сел на кровати и увидел парня, стоявшего на железном столе в центре зала. Тот выкрикивал:

— Посовещавшись, мы решили: с сегодняшнего дня мы — новая цивилизация! Старший брат Цян — наш Властитель! Теперь у нас есть шестеро охранников из Центра управления безопасностью и четверо слуг. Слуги будут каждый день забирать еду и лекарства и раздавать их всем. Охрана отвечает за безопасность босса и порядок. Но каждый из вас теперь обязан ежедневно сдавать Властителю чек — предоплаченный золотой лист. На нем должна быть сумма и ваше имя. Когда тридцать дней изоляции закончатся, мы соберем официальные золотые листы на улицах города. Те, кто откажется платить или сдаст слишком мало, будут считаться предателями. А с ними... — он многозначительно выставил вперед нож. Это был еще один нож для фруктов, но уже другой модели.

Ши Цзю нахмурился. «Откуда у них второй?..»

Парень продолжал:

— Разумеется, мы приглашаем всех присоединиться к нашей большой семье. Будем вместе играть и вместе выживать в это трудное время.

Там, где рождается страх, неизбежно возникает преклонение; за ним следуют иерархия, кастовость и власть. Эти дети решили построить собственное государство в своем маленьком королевстве.

Ши Цзю не собирався участвовать в этих играх и решил было снова лечь спать, но дверь

открылась, и вошел Хэ Вэй.

— Ши Цзю, по-моему, они заходят слишком далеко. Есть способ связаться с внешним миром? — как единственный взрослый здесь, Хэ Вэй выглядел крайне обеспокоенным. Он совершенно не понимал этих детей; в Эндено таких не бывало.

Ши Цзю чуть сдвинул одеяло и спросил:

— Тот человек, что приносит еду?

Хэ Вэй замялся:

— Честно говоря, я пытался его подкараулить по утрам, но время доставки всегда разное, ни разу не вышло. Вчера я встал первым, еды еще не было, и я оставил там записку с описанием того, что произошло. Не знаю, увидят ли они ее. Если прочитают, должны вмешаться.

— Угу.

— А еще я заметил под дальним столом...

Договорить Хэ Вэй не успел — дверь с грохотом распахнулась. В камеру ввалились четверо подростков. У одного в руках был нож, у другого — тяжелая квадратная ножка от стула с торчащим длинным ржавым гвоздем. Третий стоял с пустыми руками, а четвертый сжимал лист бумаги и ручку.

— Подъем! Пишите сумму и имя для сегодняшнего взноса! Живо!

Они вели себя нагло, но увидев Ши Цзю, невольно попятнулись, тут же постарались принять еще более независимый вид.

— Быстрее!

Хэ Вэй взглянул на юношу и молча взял лист. Быстро нацарапал что-то и протянул обратно, но парень рывкнул:

— Сначала остальные!

Писатель передал бумагу Ши Цзю.

Тот мельком взглянул на список. Лист был испещрен именами, напротив которых стояли суммы — от десяти до пятидесяти.

Ши Цзю лишь хмыкнул про себя. «Всерьез заигрались».

Немного подумав, он небрежно вписал: «Чэнь Ай, 1000».

Бумагу тут же вырвали у него из рук. Увидев сумму, подростки оторопели, но когда прочли имя, их лица исказились.

— Кто позволил тебе писать имя господина Чэня?!

— Жить надоело?!

Ши Цзю вскинул бровь. Надо же, эти безумные дети все еще хранили в глубине души трепет перед семьей Чэнь.

— Я ничего не выдумывал, — лениво отозвался он. — Хотите денег — идите и требуйте у него.

Четверка переглянулась, и вскоре в камеру явился сам «Властитель».

Цян предложил сделку: у Ши Цзю есть нож, и у них тоже, но их гораздо больше. Если юноша отдаст свой клинок, ему даруют привилегии. Они будут жить в мире, и никто не станет придираться к имени господина Чэня в списке. Но если он откажется...

— Я отказываюсь, — бросил Ши Цзю с полнейшим безразличием.

— Ну, погоди у меня, — процедил Цян и вышел.

Следующие два дня Ши Цзю голодал. Подростки умудрялись первыми забирать всю еду и воду, отказывая юноше в любых поставках, включая лекарства. Лишь Хэ Вэй по ночам тайком приносил ему скудные крохи.

Дети постановили: если этот выскочка не сломается, его нужно убить. Опыт уже был, одним больше, одним меньше — неважно, тем более их много, и никто не узнает, чей удар стал смертельным. Они ждали.

— Мы добровольно отдаем свои силы на благо общества! Властитель — единственная истина!

Голоса детей за окном раздавались по несколько раз в день: утром, перед сном, а иногда они выбирали случайных прохожих и заставляли их повторять эти лозунги. Если кто-то запинаясь, ему на руке делали надрез ножом — «метку позора». Тот, у кого на руке скапливалось три таких шрама, подвергался наказанию: он должен был целый день стоять на железном столе и выкрикивать клятву, пока не сорвет голос. Если же он не справлялся и во второй раз, его

исключали из подданных Старшего брата Цяна. Приговор был один: смерть.

<http://bllate.org/book/16109/1588327>